

ГИЛБЕРТ ЧЕСТЕРТОН

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
КОММУНИСТА

Часть сборника: Настоящий английский детектив. Собрание лучших историй

Отец Браун

Гилберт Честертон
Преступление коммуниста

«ЭКСМО»

1934

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Честертон Г. К.

Преступление коммуниста / Г. К. Честертон — «Эксмо»,
1934 — (Отец Браун)

«Трое мужчин вышли из-под низкой тюдоровской арки в старинном фасаде Мандевилльского колледжа навстречу ярким лучам летнего солнца на исходе дня, который никак не хотел заканчиваться, и увидели блестящую сцену, которой предстояло обернуться сильнейшим потрясением...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Честертон Г. К., 1934
© Эксмо, 1934

Гилберт Кит Честертон Преступление коммуниста

Трое мужчин вышли из-под низкой тюдоровской арки в старинном фасаде МанDEVИЛЬСКОГО колледжа навстречу ярким лучам летнего солнца на исходе дня, который никак не хотел заканчиваться, и увидели блестящую сцену, которой предстояло обернуться сильнейшим потрясением.

Еще до того, как до них дошел трагизм ситуации, они сознавали контраст между собой и тем, что увидели. Сами они ненавязчиво гармонировали с окружающей обстановкой. Хотя тюдоровские арки, окружавшие внутренний сад колледжа, были построены четыреста лет назад, когда готика упала с небес и низко склонилась перед более уютными чертогами гуманизма и просвещения, и хотя сами они носили современную одежду (безобразие которой поразило бы жителей любого из предыдущих столетий), что-то в самом духе этого места роднило его с ними. За садом ухаживали так тщательно, чтобы добиться впечатления небрежности, и даже цветы казались красивыми по чистой случайности, словно изящные сорняки, а современные костюмы обладали живописностью, которой можно достичь с помощью неряшливости. Первый из троицы – лысый, бородатый и высокий, как майский шест, – был в докторской шапочке и мантии, сползавшей с одного из покатых плеч. Второй был очень широкоплечим, невысоким и крепко сбитым, с жизнерадостной улыбкой; он носил простую куртку, а мантию перекинул через руку. Третий был еще более приземистым и имел довольно потрепанный вид, несмотря на черное клерикальное облачение. Но все они хорошо сочетались с МанDEVИЛЬСКИМ колледжем и с неопишуемой атмосферой двух старинных и единственных в своем роде английских университетов. Они как будто растворялись в ней, что здесь выглядело наиболее уместным.

Двое других мужчин, сидевших на садовых стульях возле столика, представляли собой яркое пятно на фоне этого серовато-зеленого ландшафта. Они были одеты в основном в черное и тем не менее блистали с головы до ног, от начищенных сюртуков до сияющих ботинок. Такой светский лоск посреди университетской вольницы МанDEVИЛЬСКОГО колледжа казался почти возмутительным. Единственное оправдание заключалось в том, что они были иностранцами. Первый, американский миллионер по фамилии Хэйк, одевался в безупречной джентльменской манере, свойственной нью-йоркским богачам. Второй, добавивший к своему вызывающему наряду каракулево пальто (не говоря уже о вычурных бакенбардах), был чрезвычайно богатым немецким графом, а самая короткая часть его фамилии произносилась как фон Циммерн. Однако загадка этой истории не связана с причиной их появления в этом месте. Блестящие господа находились здесь по причине, которая часто объясняет совмещение несовместимых вещей: они собирались выделить колледжу некоторую сумму денег. Они приехали поддержать план создания новой кафедры экономики при МанDEVИЛЬСКОМ колледже, предложенный несколькими финансистами и магнатами из разных стран. Они уже осмотрели колледж с той неутомимой и добросовестной любознательностью, на какую из всех сынов Адамовых способны лишь немцы и американцы. Теперь они отдыхали от своих трудов и с важным видом рассматривали университетский сад.

Трое других людей, уже встречавшихся с ними, прошли мимо, ограничившись кратким приветствием, но один из них – самый маленький, одетый в черную сутану – неожиданно остановился.

– Послушайте, – произнес он с видом испуганного кролика. – Мне не нравится, как выглядят эти люди.

– Боже мой, а кому это нравится? – бросил высокий мужчина, который был главой Мандевилльского колледжа. – По крайней мере, у нас есть богачи, которые не одеваются словно портновские манекены.

– Да, – прошептал маленький священник. – Именно это я имею в виду: как портновские манекены.

– Что это значит? – спросил второй его спутник.

– Они похожи на жутких восковых кукол, – слабым голосом ответил священник. – Видите, они не двигаются. Почему они неподвижны?

Словно очнувшись от сумрачного оцепенения, он вдруг метнулся вперед и прикоснулся к локтю немецкого барона. Барон упал вместе с сиденьем, и его ноги в брюках, задравшиеся вверх, были такими же прямыми, как ножки стула.

Гидеон П. Хэйк продолжал созерцать сад остекленевшим взором, безмолвно подтверждая аналогию с восковой фигурой. Яркий солнечный свет и краски летнего вечера каким-то образом усиливали жутковатое впечатление наряженной куклы, марионетки в итальянском театре. Маленький священник в черном, носивший фамилию Браун, осторожно похлопал миллионера по плечу, и тот завалился набок одним движением, словно деревянный чурбан.

– Трупное окоченение, – сказал отец Браун, – и так быстро! Впрочем, время наступления *rigor mortis* бывает разным.

Причина, по которой первая троица присоединилась к двум другим так поздно (если не сказать, слишком поздно), будет более понятной, если упомянуть о том, что произошло внутри здания за тюдоровской аркой незадолго до того, как они вышли наружу. Все отобедали в профессорской столовой, но два иностранных филантропа, верных своему желанию осмотреть все вокруг, прошествовали в университетскую капеллу, где осталась еще одна неизученная галерея и лестница, пообещав присоединиться к остальным в саду и с таким же рвением оценить местные сигары. Остальные, как более благонамеренные и почтительные к традициям люди, собрались за длинным и узким дубовым столом, вокруг которого разносили послеобеденное вино. Всем присутствующим было известно, что сэр Джон Мандевилль, основавший колледж еще в Средние века, положил начало этому обычаю, поощрявшему непринужденную беседу. Ректор колледжа, лысый, но с большой русской бородой, занял место во главе стола, а приземистый человек в куртке сел слева от него, так как он был университетским казначеем и ведал всеми финансовыми делами. Рядом с ним по ту же сторону стола сидел человек довольно странного вида с искривленным лицом, потому что его темные клочковатые усы и брови были повернуты под противоположными углами и образовывали зигзагообразные линии, как будто половина его лица была парализована. Его звали Байлс; он читал лекции по римской истории, а его политические убеждения были основаны на убеждениях Кориолана, не говоря уже о Тарквинии Гордом. Такой саркастический консерватизм и чрезвычайно реакционные взгляды на все проблемы современности были свойственны многим старомодным профессорам, но в случае Байлса имелось предположение, что это было скорее результатом, а не причиной его резкости. У более внимательного наблюдателя сложилось бы впечатление, что с Байлсом действительно что-то не в порядке, как будто причиной его ожесточенности был некий секрет или какое-то большое несчастье. Его наполовину сохшееся лицо напоминало дерево, пораженное ударом молнии. За ним сидел отец Браун, а на дальнем конце стола восседал профессор химии – крупный светловолосый мужчина с невыразительным лицом и сонными глазами, в которых таилось некоторое лукавство. Было хорошо известно, что этот натурфилософ считает других философов, принадлежавших к более классической традиции, всего лишь отсталыми чудаками. По другую сторону стола, напротив отца Брауна, сидел очень смуглый и молчаливый молодой человек с черной заостренной бородкой, появившийся здесь потому, что кому-то захотелось открыть в колледже кафедру персидской культуры. Напротив зловещего профессора

Байлса сидел местный капеллан – невысокий человек приятного вида, с головой, похожей на яйцо. Напротив казначея и по правую руку от ректора стоял пустой стул, и многие были рады видеть его пустым.

– Не знаю, придет ли Крейкен, – сказал ректор, нервно покосившись на стул, что не вышло с его обычной расслабленной манерой. – Я сам противник ограничения свобод, но признаюсь, дошел до того, что мне радостно, когда он здесь просто потому, что он не где-нибудь еще.

– Никогда не знаешь, что он выкинет в следующий раз, – добродушно заметил казначей, – особенно когда он поучает молодежь.

– Блестящий работник, но очень темпераментный, – заметил ректор, внезапно вернувшись к былой сдержанности.

– Фейерверк тоже ярко сверкает, – проворчал старый Байлс, – но я не хочу сгореть в своей постели, чтобы Крейкен приобрел лавры Гая Фокса.

– Вы *действительно* полагаете, что он способен примкнуть к насильственному перевороту, если таковой начнется? – с улыбкой поинтересовался казначей.

– Он *думает*, что может это сделать, – резко ответил Байлс. – На днях заявил перед полной аудиторией пятикурсников, что ничто не может помешать классовой войне перерасти в настоящую, с убийством людей на улицах города, если это закончится победой коммунизма и рабочего класса.

– Классовая война, – задумчиво произнес ректор с некоторым отвращением, смягченным воспоминаниями; когда-то он знал Уильяма Морриса и был знаком с более эстетичными и праздными социалистами. – Не понимаю всех этих разговоров о классовой войне. В пору моей юности социалисты утверждали, что классов вообще не существует.

– Это другой способ сказать, что социалисты представляют собой деклассированный элемент, – с кислым удовольствием произнес Байлс.

– Разумеется, вы настроены против них сильнее, чем я, – продолжал ректор. – Но полагаю, мой социализм почти так же старомоден, как ваш консерватизм. Интересно, что думают по этому поводу наши молодые друзья. Каково ваше мнение, Бейкер? – внезапно обратился он к казначею, сидевшему слева от него.

– Ну, я *вообще* не думаю, как говорят в народе, – со смехом ответил тот. – не забывайте, что я очень простой человек и вовсе не мыслитель. Я всего лишь деловой человек и считаю, что все это ерунда. Нельзя сделать людей равными, а если платить всем поровну, это очень плохо для бизнеса, особенно потому, что многие из них гроша ломаного не стоят. Как бы то ни было, нужно искать практический выход, поскольку другого выхода нет. Не наша вина, что в природе все так запутано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.